

В. И. ДЕМЕНТЬЕВА (Москва)

КОНСТРУКЦИИ С ГЛАГОЛЬНОЙ ФОРМОЙ *есть* В СЕВЕРО-ЗАПАДНЫХ РУССКИХ ГОВОРАХ

Как известно, судьба форм настоящего времени глагола *быти* в восточнославянских языках иная, чем в других славянских языках; это отличие выражается прежде всего в том, что в восточнославянских языках сохранилось употребление только форм 3-го лица (причем практически употребительно единственное число). Сохранившиеся формы глагола *быти* в восточнославянских языках функционируют довольно ограниченно: отсутствует сложное прошедшее время, образованное с помощью форм настоящего времени глагола *быти*; ограничено употребление в качестве служебного синтаксического элемента; возможно опущение в настоящем времени полнозначного предиката в притяжательных конструкциях. Большинство говоров восточнославянских языков по характеру функционирования форм настоящего времени глагола *быти*, по всей видимости, не отличается от соответствующих литературных языков. Однако для части русских говоров, а именно — для говоров на северо-западной территории (в Псковской, Новгородской, Ленинградской, Архангельской, Вологодской, Калининской областях, а также на территории Прибалтийских республик и Карельской АССР) возможно более широкое, чем в литературном языке, употребление конструкций с глаголом *есть*, например: *она такая скряга есь* (Ладва Прион.); *она здешняя естя* (Ефремково Лод.); *здесь красиво естя* (Красный Бор Лод.).¹

Как показывают современные диалектные материалы, конструкции с глаголом *есть* в говорах на указанной территории распадаются на пять групп.

I. Конструкции, где *есть* — самостоятельный предикат (экзистенциальные и притяжательные предложения). В данных конструкциях *есть* — полнозначный глагол, утверждающий наличие предмета или лица вообще, либо наличие в определенном месте или в собственности определенного лица. Подавляющее большинство таких конструкций яв-

¹ Используются источники: Материалы для диалектологических атласов русского языка, хранящиеся в Институте русского языка АН СССР; Материалы для общеславянского лингвистического атласа (относящиеся к территории РСФСР), хранящиеся в Институте русского языка АН СССР; Материалы для словаря архангельских говоров, хранящиеся в кабинете диалектологии МГУ; Записи диалектной речи, сделанные И. Б. Кузьминой и автором настоящей статьи в 16 населенных пунктах на территории северо-запада.

Примеры из диалектных материалов приводим в орфографическом написании с сохранением словообразовательных и морфологических особенностей говоров.

ляется общерусским, например: *все будем молиться и знать, что бог есть* (Мехикоорма Тарт.); *всякие чудаки есь на свете* (Заполье Плюс.); *у меня есть племянница* (Хачела Онеж.). Единичные случаи диалектного употребления *есть* в функции самостоятельного предиката отмечаются лишь в притяжательных конструкциях²: *у ей естя этот селитер* (Мехикоорма Тарт.); *у тебя е ногти большие* (Гимрека Лод.).

II. Конструкции, где *есть* — составная часть именного предиката.

1. Конструкции с координированными главными членами. В наших материалах отмечено 544 таких случая. В данных конструкциях *есть* выступает в сочетании с именительным падежом существительного (214 случаев), прилагательного (211 случаев), местоимения (91 случай), полного причастия (28 случаев). Примеры: *да дедко этот проходимец тожо есть* (Гимрека Лод.); *как же я не карел есь, если мать карелка* (Ладва Прион.); *это дочка е* (о котенке) (Щелейки Лод.); *она такая есть неудалая* (Мельница Пушк.); *жива пока еще е, так хожу* (Ладва Прион.); *эта корова наша е* (Селище Бокс.); *такой уж е, дак* (кот, кусается) (Гимрека Лод.); *у многих сена есть сгнившие* (Кюкита Тарт.); *сын есь убитый у ей и у меня* (Педасельга Прион.).

В конструкциях с координированными главными членами *есть* является собственно связкой. Заметим, что среди данных конструкций выделяются общерусские — это, во-первых, конструкции со значением тождества (*тарантасы е специальные телеги* (Шумилкино Кач.)) и конструкции, в которых *есть* употребляется в сочетании с существительным, лексически совпадающим с подлежащим (*вот есть доктор так доктор* (Мехикоорма Тарт.)), и, во-вторых, конструкции, где *есть* сочетается с вопросительно-относительными местоимениями — фразеологизированные обороты с подлежащим, выраженным личным местоимением (*эй, парень, чей ты е?* (Красный Бор Лод.)). Однако общерусские конструкции составляют лишь около 6,4%, подавляющее большинство (~93,6%) — собственно диалектные.

2. Конструкции с некоординированными главными членами. С помощью данных конструкций могут быть выражены определительные и локальные отношения. В конструкциях с определительными отношениями *есть* выступает в сочетании с предложно-именной группой (37 случаев), наречием (15 случаев) и целым словосочетанием (10 случаев). Примеры: *отец-то еговый естя с-под Костромы* (Красный Бор Лод.); *в отца естя, глазаста* (девочка) (Гимрека Лод.); *она естя замужем* (учительница) (Ладва Прион.); *вода на воды дом е* (Гимрека Лод.).

В конструкциях с определительными отношениями *есть* выполняет служебную функцию — связывает подлежащее с его признаком, будучи лексически опустошенным элементом. Функция *есть* здесь сходна с функцией *есть* — связки в конструкциях с координированными главными членами.

В конструкциях с локальными отношениями *есть* выступает в сочетании с предложно-падежной группой (30 случаев) и с наречием (109 случаев). Примеры: *да у них сын-то е в армии* (Ефремково Лод.); *дядя*

² Для разграничения притяжательных конструкций на конструкции, где употребление глагола *есть* необходимо или возможно, и на конструкции, в которых употребление его невозможно, в литературном языке есть критерий, основанный на противопоставлении по способу образования отрицания: отрицательным эквивалентом конструкций с *есть* являются конструкции с *нет*, отрицание конструкций с «нулевым притяжательным глаголом» напоминает отрицание предложений с именным сказуемым — с отрицательной частицей *не* (см. Н. Савицкий, О синтаксическом типе «Деньги есть : Денег нет» в русском и украинском языках. — Československá rusistika XVII, Praha 1972, стр. 153—154).

Костя на работе есть (Конецкая Ковж.); *племянница естя далеко, уж писано ответ* (Ладва Прион.).

Заметим, что среди конструкций, в которых *есть* сочетается с наречиями, имеются представляющие собой фразеологизированные обороты с наречиями *где* и *откуда*; в роли подлежащего тогда выступает личное местоимение, например: *где ты е?* (Низ Ошт.); *откуль ты, мужик, е?* (Луневщина Гдов.). Данные фразеологизированные обороты свойственны и тому типу речи, который принято называть просторечием. Однако большинство конструкций (92 из 109), в которых *есть* сочетается с наречием, являются собственно диалектными.

В конструкциях, выражающих локальные отношения, *есть* — средство связи между предметом и его признаком по месту нахождения. Однако в отличие от конструкций определительных здесь *есть* — служебный элемент связочного типа, сохраняющий долю экзистенциального значения.³ В этом отношении локальные конструкции сходны в какой-то степени с конструкциями, где *есть* — экзистенциальный предикат.

III. Конструкции, где *есть* — служебный синтаксический формант. В качестве служебного синтаксического форманта — показателя временной отнесенности — *есть* выступает в односоставных предложениях типа: *три километра есь до Онежского озера* (Ладва Прион.); *на улке хорошо естя* (Заостровье Вин.).⁴

1. Односоставные предложения именного класса. В данных конструкциях в роли главного члена выступают: количественное наречие в сочетании с родительным падежом имени (97 случаев), количественно-именное сочетание с родительным падежом имени (41 случай), имя в именительном падеже (38 случаев). Примеры: *и таких эстонцев много естя* (хорошо говорящих по-русски) (Мехикоорма Тарт.); *60 годов е священнику* (Ладва Прион.); *пять лет тому времени есь* (Вожгора Леш.); *я сказала: естя така жара, я не могу красить* (Мехикоорма Тарт.).

2. Односоставные предложения наречного класса. Функцию главного члена в данных конструкциях выполняет предикативное наречие на -о в положительной и сравнительной степени (35 случаев) или наречия *как*, *так* (5 случаев). Примеры: *здесь красиво естя, воздух чистый* (Красный Бор Лод.); *на почты есь прохладней* (Выбье Кинг.); *посмотрю, как там естя* (что делается в печке) (Мехикоорма Тарт.).

Большинство диалектных конструкций, в которых *есть* выступает в функции служебного синтаксического элемента, отмечается на всей территории широкого севера-запада. Однако степень их употребительности неодинакова по говорам. Наиболее интенсивно данные конструкции употребляются на территории Карелии и в прилегающих к ней населенных пунктах Ленинградской области, а также на территории Эсто-

³ Допуская, что *есть* может иметь в себе долю экзистенциального значения, следуем положению, что глаголы-связки способны сохранять свое конкретное лексическое значение. — См., в частности, М. М. Гухман, Глагольные аналитические конструкции как особый тип сочетаний частичного и полнозначного слова. — Вопросы грамматического строя, Москва 1955, стр. 347; А. И. Смирницкий, Синтаксис английского языка, Москва 1957, стр. 125; М. И. Стеблин-Каменский, Грамматика норвежского языка, Москва—Ленинград 1957, стр. 191.

⁴ Рассматривая предложения данного типа как односоставные, в которых *есть* выполняет функцию служебного синтаксического форманта, мы следуем Н. Ю. Шведовой — см. ее квалификацию предложений с *был* ..., *будет* (*была* ночь; *будет* холодно) для современного литературного языка (Грамматика современного русского литературного языка, Москва 1970, стр. 560). Ей же мы следуем и в разграничении односоставных предложений на предложения именного и наречного класса на основе категориальной принадлежности того слова, которым организуется главный член односоставных предложений (см. там же).

нии.⁵ Применительно к говорам этих территорий можно говорить, по-видимому, о тенденции строить предикат в форме настоящего времени параллельно формам прошедшего времени с *был, буду* (однако заметим, что и в этих говорах случаи употребления конструкций без *есть* преобладают над случаями употребления конструкций с *есть*).

IV. Конструкции, где *есть* — составная часть глагольного предиката.

В данных конструкциях *есть* выступает в сочетании с формами изъявительного наклонения (причем как с формами прошедшего времени от глаголов совершенного и несовершенного вида, так и с формами настоящего-будущего времени) и инфинитивом. Примеры: *у его глаза немного покосило есь* (Малетино Пин.); *в детсадик ходила есь* (внучка) (Ладва Прион.); *как будто е разрешают ездить в Финляндию* (Ладва Прион.); *может, естя не пустят* (в кино), *не детское* (Гимрека Лод.); *рожь-то естя выжата, ячмень есть начинать* (Ржаное озеро Прион.).

Тот факт, что в говорах сочетания *есть* с формами настоящего-будущего времени употребляются почти так же широко, как и с формами прошедшего времени (с формами настоящего-будущего времени 51 случай, с формами прошедшего времени 88 случаев), а также то, что сочетаниям «*есть* + форма на -л», как отмечают И. Б. Кузьмина и Е. В. Немченко, нельзя приписать какого-либо иного значения, отличного от значения форм на -л⁶, дают основание предполагать, что сочетания *есть* с формами прошедшего времени не являются перфектом.⁷

В сочетаниях с формами изъявительного наклонения мы, вслед за И. Б. Кузьминой и Е. В. Немченко, квалифицируем *есть* как элемент без специальной функции, как своеобразную пустую частицу, употребление которой не оправдано с точки зрения грамматической системы русских говоров.⁸

Территория распространения конструкций, где *есть* выступает в сочетании с формами изъявительного наклонения, шире той, в говорах которой *есть* употребляется в качестве служебного синтаксического элемента в составе именного предиката (см. карту 1). Заметим, что *есть* в глагольных конструкциях встречается и в южнорусских говорах.

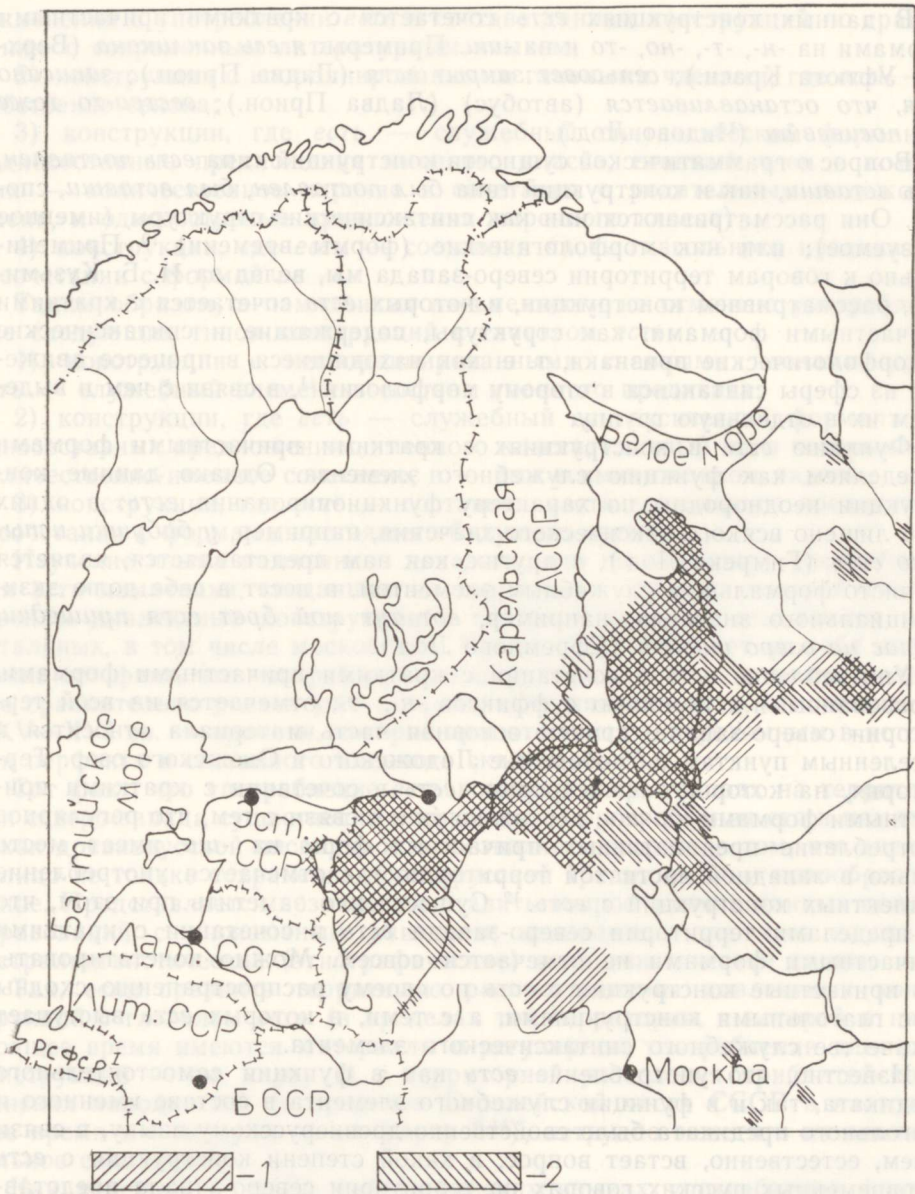
Конструкции, в которых *есть* выступает в сочетании с инфинитивом, представлены в наших материалах нешироко (всего 16 случаев). Они

⁵ См. И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко, К вопросу об употреблении *есть* в русских говорах. — Материалы и исследования по Общеславянскому лингвистическому атласу, Москва 1968, стр. 165—168.

⁶ Там же, стр. 157.

⁷ Мы считаем, что генетически данные сочетания восходят к древнерусскому перфекту; см. также С. П. Обнорский, Очерки по морфологии русского глагола. Москва 1953, стр. 153; Ф. П. Филин, Заметки о записях материалов по синтаксису. — Бюллетень диалектологического сектора Института русского языка, вып. 4. Москва 1948, стр. 53; В. И. Чернышев, Описательные формы наклонений и времен в русском языке. — Труды Института русского языка АН СССР I. Москва—Ленинград 1949, стр. 217. Сочетания *есть* с формами настоящего-будущего времени мы, вслед за В. И. Чернышевым, считаем явлением вторичного порядка — возникшими под влиянием форм прошедшего времени (см. там же).

⁸ И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко, К вопросу об употреблении *есть* в русских говорах, стр. 158. Существует и другая точка зрения, согласно которой функция *есть* в глагольных сочетаниях определяется как функция утвердительной или усилительной частицы, см. В. И. Борковский, Синтаксис древнерусских грамот (Простое предложение), Львов 1949, стр. 178—179; Ф. П. Филин, указ. раб., стр. 53—54; В. И. Чернышев, указ. раб., стр. 217.

Карта 1. 1 — территория, в пределах которой зафиксировано употребление конструкций с *есть* — служебным синтаксическим элементом в составе именного предиката; 2 — территория, в пределах которой зафиксировано употребление конструкций с *есть* — составной частью глагольного предиката.

выражают, по-видимому, тот же круг модальных значений, что и сочетания *быть* с инфинитивом, получившие большее распространение.⁹

V. Конструкции, где *есть* — составная часть предиката с именным компонентом — краткими причастными формами.

⁹ См. В. И. Чернышев, указ. раб., стр. 212; С. И. Ожегов, Об одной форме долженствования в русском языке. — Доклады и сообщения филологического факультета МГУ, вып. II, Москва 1947.

В данных конструкциях *есть* сочетается с краткими причастными формами на *-н-*, *-т-*, *-но*, *-то* и на *-ши*. Примеры: *я есь закликана* (Верхняя Уфтюга Красн.); *сельсовет закрыт естя* (Ладва Прион.); *записано естя, что останавливается* (автобус) (Ладва Прион.); *сестра-то тоже есь посивевши* (Чидово Лод.).

Вопрос о грамматической сущности конструкций типа *есть поставлен, есть вставши*, как и конструкций типа *был поставлен, был вставши*, спорен. Они рассматриваются или как синтаксические структуры (именное сказуемое), или как морфологические (формы времени).¹⁰ Применительно к говорам территории северо-запада мы, вслед за И. Б. Кузьминой, рассматриваем конструкции, в которых *есть* сочетается с краткими причастными формами, как структуры, содержащие и синтаксические и морфологические признаки, т. е. как находящиеся в процессе движения из сферы синтаксиса в сторону морфологии¹¹, в связи с чем и выделяем их в отдельную группу.

Функцию *есть* в конструкциях с краткими причастными формами определяем как функцию служебного элемента. Однако данные конструкции неоднородны по характеру функционирования *есть*: в одних *есть* лишено всякого лексического значения, например, *у бабушки испытано есть* (Гимрека Лод.), в других, как нам представляется, является не чисто формальным служебным элементом, а несет в себе долю экзистенциального значения, например, *вот тут мой брат естя пришедчи, сейчас на озеро ушедчи* (Ефремково Лод.).

Употребление *есть* в сочетании с краткими причастными формами, образованными с помощью суффиксов *-н-*, *-т-*, отмечается на всей территории северо-запада, причем основная часть материала относится к населенным пунктам на побережье Ладожского и Онежского озер. Территория, на которой зафиксировано *есть* в сочетании с краткими причастными формами на *-ши*, несколько уже в связи с тем, что регулярное употребление предикативных причастных форм на *-ши* имеет место только в западной части той территории, где отмечается употребление диалектных конструкций с *есть*.¹² Существенно заметить при этом, что за пределами территории северо-запада *есть* в сочетании с краткими причастными формами не отмечается совсем. Можно констатировать, что причастные конструкции с *есть* по своему распространению сходны не с глагольными конструкциями, а с теми, в которых *есть* выступает в качестве служебного синтаксического элемента.

Известно, что употребление *есть* как в функции самостоятельного предиката, так и в функции служебного элемента в составе именного и глагольного предиката было свойственно древнерусскому языку, в связи с чем, естественно, встает вопрос, в какой степени конструкции с *есть* в современных русских говорах на территории северо-запада представляют собой архаизм и в какой — инновацию.

Рассмотрение конструкций с глаголом *есть* в памятниках письменности (изучались памятники разных жанров) показывает, что функционирование их в памятниках уже, чем в современных говорах. В памятниках письменности встречаются следующие типы конструкций с *есть*:

1) конструкции, где *есть* — самостоятельный предикат (в экзистенциальных и притяжательных предложениях), причем не встретилось

¹⁰ См. И. Б. Кузьмина, Предикативное употребление причастий в русских говорах, Москва 1972, (докт. дисс., рукоп.), стр. 473—509.

¹¹ См. И. Б. Кузьмина, указ. раб., стр. 482.

¹² Изоглоссу регулярного употребления причастий на *-ши* см. И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко, Синтаксис причастных форм в русских говорах, Москва 1970, карта 4.

отклонений в употреблении *есть* в составе данных конструкций по сравнению с современным литературным языком;

2) конструкции с координированными главными членами, где *есть* — собственно связка;

3) конструкции, где *есть* — служебный синтаксический формант (односоставные предложения именного класса, главный член в которых — количественное наречие в сочетании с родительным падежом имени, и односоставные предложения наречного класса);

4) конструкции, где *есть* — составная часть глагольного предиката в сочетании с формой на *-л*.

Таким образом, в памятниках письменности не отмечено употребление следующих типов конструкций с глаголом *есть*:

1) конструкции с некоординированными главными членами, где *есть* — служебный элемент в составе именного предиката;

2) конструкции, где *есть* — служебный синтаксический формант в односоставных предложениях именного класса, главный член которых — количественно-именное сочетание, и — имя в именительном падеже;

3) конструкции, где *есть* — составная часть глагольного предиката в сочетании с формами настоящего-будущего времени.

Изучение языка памятников показало, что по характеру употребления *есть* памятники, созданные на территории, говорам которой свойственны диалектные конструкции с глаголом *есть*, не отличаются от остальных, в том числе московских. Кроме того, обращает на себя внимание тот факт, что употребление конструкций с *есть* — в целом явление сравнительно редкое уже в памятниках письменности, относящихся к XV—XVI вв. — времени, которое принято считать переломным в истории перфекта и составного именного сказуемого.¹³

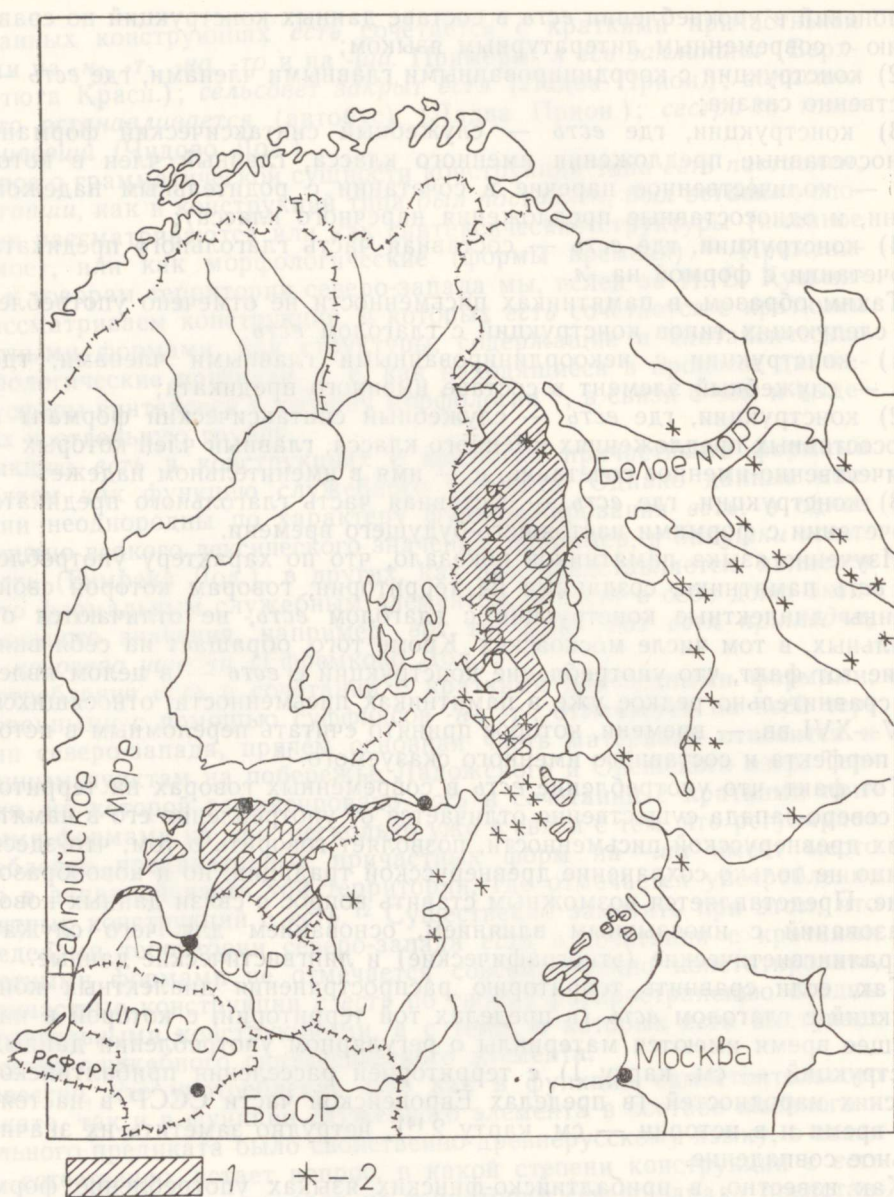
Тот факт, что употребление *есть* в современных говорах на территории северо-запада существенно отличается от употребления его в памятниках древнерусской письменности, позволяет говорить о том, что здесь налицо не только сохранение древнерусской традиции, но и новообразование. Представляется возможным ставить вопрос о связи данных новообразований с иноязычным влиянием, основанием для чего служат экстралингвистические (этнографические) и лингвистические данные.

Так, если сравнить территорию распространения диалектных конструкций с глаголом *есть* (в пределах той территории, с которой в настоящее время имеются материалы о регулярном употреблении данных конструкций — см. карту 1) с территорией расселения прибалтийско-финских народностей (в пределах Европейской части СССР в настоящее время и в истории — см. карту 2¹⁴), нетрудно заметить их значительное совпадение.

Как известно, в прибалтийско-финских языках употребление форм настоящего времени *быть* как в функции самостоятельного предиката, так и в функции служебного элемента характеризуется последовательностью. Приведем ряд финских предложений, типологически сходных с рассмотренными русскими диалектными конструкциями: *minulla on kuniit kintaat* 'у меня (есть) красивые варежки'; *ukolla on pitkä parta* 'у старика (есть) длинная борода'; *hän on vanha* 'он (есть) старый'; *kirja*

¹³ Факты употребления конструкций с глаголом *есть* в памятниках письменности XV—XVI см. В. И. Деметьева, К вопросу об употреблении вспомогательного глагола и связи *есть* в памятниках письменности, относящихся к территории северо-запада. — *Kalbotyga* XXIII 2, Vilpius 1972, стр. 79—91.

¹⁴ Карта составлена на основе карты, представляющей данные о современном этническом составе населения Европейской части СССР, см. Народы Европейской части СССР, Москва 1960. Условными знаками нанесены данные о расселении финно-угорских народностей в прошлом.

Карта 2. 1 — территория расселения прибалтийско-финских народностей в пределах СССР в настоящее время; 2 — районы, применительно к которым имеются данные о наличии финно-угорских народностей в прошлом (знак ставится только на территории, где в настоящее время они не проживают).

on hänen 'книга (есть) его'; *röydällä on ruokaa* 'на столе (есть) пища'; *täällä on hiljaista* 'здесь (есть) тихо'; *nyt on talvi* 'сейчас (есть) зима'; *on lauantai-ilta* '(есть) субботний вечер'.

В пользу предположения о том, что употребление диалектных конструкций с глаголом *есть* в говорах на территории северо-запада могло сложиться под влиянием прибалтийско-финских языков, свидетельствуют факты русской речи людей, для которых один из прибалтийско-

финских языков является родным, но которые живут в русской среде.¹⁵ Наблюдения на территории Карелии и Эстонии позволяют отметить, что в речи этих людей отмечаются те же типы конструкций с *есть* (кроме глагольных), что и в материалах по русским говорам на территории северо-запада в целом, с той лишь разницей, что регулярность употребления данных конструкций значительно выше. Сошлемся при этом на материалы, записанные нами от С. А. Капаен, финки по национальности, в с. Мехикоорма Тарт. и приведем примеры, расположив их по тем же группам, что и весь предыдущий диалектный материал:

- I. 2. *у кого с головой, с сердцем есть* (плохо, потому и умирают люди); *изжога у нее только, а так ничем не болеет* — 3 случая;
- II. 1. *это песня есть; это старая есть* (корова); *сейчас посмотрю, чей у меня есть* (адрес) — 53 случая;
- II. 2. *в Кондопоге есть брат, сестра в Лизаветино есть; тут-то естя немец, идите обратно* — 42 случая;
- III. 1. *веры есть много; а тут вокруг кто живет?* — эстонцы *есть* — 34 случая;
- III. 2. *тут, наверно, есть сухо; ну, вот им есть так* — 14 случаев;
- V. *книга же есть писана; туда есть сделано* — 18 случаев.

¹⁵ Заметим, что факт употребления некоторых конструкций с глаголом *есть* в речи вепсов, говорящих по-русски, в д. Шокша М. И. Муллонен объясняет воздействием родного языка — см.: М. И. Муллонен, Безличные предложения, главный член которых образуется из глагола-связки и предикатива в современном финском языке. — Труды Карельского филиала АН СССР, вып. XXXIX, Петрозаводск 1963, стр. 47.

Сокращения названий районов

Архангельской обл.: **Вин.** — Виноградовский, **Красн.** — Красноборский, **Леш.** — Лешуконский, **Онеж.** — Онежский, **Пин.** — Пинежский; Вологодской обл.: **Ковж.** — Ковжинский, **Ошт.** — Оштинский; Карельской АССР: **Прион.** — Прионежский; Ленинградской обл.: **Бокс.** — Бокситогорский, **Кинг.** — Кингисеппский, **Лод.** — Лодейнопольский; Псковской обл.: **Гдов.** — Гдовский, **Кач.** — Качановский, **Плюс.** — Плюсский; **Пушк.** — Пушкиногорский; Эстонской ССР: **Тарт.** — Тартуский.

V. I. DEMENTJEVA (Moscow)

CONSTRUCTIONS WITH THE VERB FORM *есть* IN NORTHWESTERN DIALECTS OF RUSSIAN

In the contemporary northwestern dialects of Russian the following types of constructions with the verb form *есть* 'is' occur: (I) *есть* as an independent predicate, (II) *есть* as a component of a nominal predicate, (III) *есть* as an auxiliary, (IV) *есть* as a component of a verbal predicate, (V) *есть* as a component of a predicate containing a short participial form as another component.

The conclusion is drawn that the dialectal constructions considered in the northwestern dialects of Russian are caused by the influence of Finnic languages. First, the constructions with *есть* in the northwestern dialects are different from those established in Old Russian literary records. Second, the territory of the dialects where the constructions are popular coincides with the territory where Finnic languages are or were spoken. Third, there is a considerable similarity of the dialectal constructions with *есть* with the corresponding constructions in the Finnic languages.

См. И. К. Трахтман, Удмуртские народные песни, Ижевск 1964, стр. 96.

П. Пискарев, Материалы обихода, сказанные вяртыто, Ижевск 1967, стр. 38 и сл.

К. Герд, Удмурт кырызныс, Ижевск 1927.

Примеры приводятся из буйского говора Закамья (данные Р. Ш. Насыбуллина).